

Площадь Пушкина, киносценарий

1. Москва, год 1973, третье мая.

По улице Чехова к площади Пушкина медленно идут пятеро.

Часто смотрят на часы.

Много курят.

2. Говорят коротко:

– Работают чисто.

– Не должны знать.

– Слишком многим говорили.

– Только в общем.

– Напрасно.

– Иначе нельзя.

– А толку?

– Поздно говорить.

– До угла метров сто.

– А там близко.

– Ещё много времени.

– Раньше нельзя.

– Опоздают, и всё напрасно.

– Могут придти раньше.

– И с собой приведут.

– Лучше раньше.

– Тут не угадаешь.

– Как будет.

– Надо решать.

– Останавливаться нельзя.

– Идём, как шли.

3. Пятеро доходят до телефонной будки.

Один из пяти:

– Я позвоню.

Входит в будку, остальные рядом у открытой двери.

Медленно достаёт монету, медленно набирает номер.

Говорит в трубку:

– Мама... возможно, буду занят... возможно, уеду на несколько дней...

да так, дела... да, тогда она позвонит... целую...

Медленно вешает трубку, смотрит на часы, стоит в будке.

4. Один из пяти:

– Надо идти.

Пятеро идут.

Не разговаривают.
Только курят.
Выходят к площади.
Идут вместе, но уже каждый сам по себе.
Ноги, кажется, не идут, но они продолжают идти.
Всякие мысли улетучились.
Глаза видят только то, что рядом, и не видят голубого неба.

5. Голоса-мнения:

Первый: «Провокаторы!»

Второй: «Нас мало, мы не должны рисковать!»

Третий: «Мы не можем ставить под удар алию!»

Четвёртый: «Сейчас не время!»

Пятый: «Если садиться, то за дело!»

Шестой: показывает на пальцах одной руки, сколько лет дадут.

Седьмой: показывает на пальцах двух рук, сколько лет дадут.

6. Пятеро приближаются к витринам газеты "Известия".

Быстро вынимают транспарант и растягивают на уровне груди.

Сдвигаются плотнее.

Вот они стоят лицом к площади.

7. Один из пяти тихо и весело:

– Состоялось!

8. Анализ упрощенный: Теперь ход КГБ. Но хорошо отлаженная машина делает первый холостой ход.

9. «Топтуны» мечутся в подворотне, хлопает ближайшая дверь.

10. Голоса-мнения:

Первый: «Сейчас это можно!»

Второй: «Работают на себя!»

Третий: «Можно подумать, что есть только пять героев!»

Четвёртый: «Там наград за это не выдают!»

Пятый: «Не согласен с такими действиями!»

Шестой: «Провокаторы!»

Седьмой: «Провокаторы!»

10. А через площадь уже спешат иностранные корреспонденты, по двое на каждого из пяти.

11. Несколькими днями раньше.

Тёмный двор между домами.

Ходят под руку жена одного из пяти и иностранный корреспондент.

Она не знает, что за ними всегда наблюдают.

Он знает это.

Она:

– Вы совсем забыли о нас.

Он:

– Мы всегда помним о вас.

Целует её.

11. Анализ упрощённый: Хорошо отлаженная машина продолжает делать холостые ходы.

12. Пятеро переговариваются:

– Всё предусмотрели, чтобы не приписали общественные беспорядки.

– Не препятствуем проезду транспорта.

– Не мешаем пешеходам.

– Не нарушаем работу учреждения.

– Если нужно будет, припишут.

– Не оказывать сопротивления.

– В сквере за кустами «она».

– На верхней галерее кинотеатра «Россия» «он».

13. Увидеть их трудно, и спорят, она или не она, он или не он.

14. Топтуны образуют полукруг перед пятью с транспарантом.

15. Корреспонденты перемешаны с топтунами.

На тёмном их фоне выделяются светлыми брюками и плащами.

16. Профессионалы и знатоки, умеющие ценить мгновение, они лишь теперь достают фотоаппараты.

17. Несколькими днями позже.

Корреспондент одному из пяти:

– Мы смотрели на вас со слезами на глазах.

18. В «Известиях» открылись окна, и люди стали высовываться и смотреть вниз.

19. Ещё бежали через площадь.

20. А из углового магазина бежали продавцы в белом.

21. На площади встал милиционер-регулирующий.

22. «Он» и «Она» за спинами топтунов ничего не видят.

«Он» тихо: «Бьют».

«Она» тихо: «Бьют».

23. Пятеро улавливают каждое движение в зоне топтунов и не замечают, как в двух шагах перед ними оказывается пожилой человек, внимательно читающий транспарант.

24. Пожилой человек:

– Вы знаете о трагедии двух миллионов евреев?

Один из пяти:

– Шесть миллионов.

Пожилой человек:

– Как шесть?

Один из пяти:

– Все евреи наш народ.

Пожилой человек:

– Я еврей. Я помню погромы, черту оседлости. Теперь этого нет.

Один из пяти:

– А «дело врачей»?

Пожилой человек:

– Этого больше не будет.

Один из пяти:

– Будет.

Пожилой человек:

– Я слышал, что едут, и этому не препятствуют. Зачем это?

Удивленно протягивает руку.

25. Таким он застынет на фотографии в «Нью-Йорк таймс», дополняя композицию вокруг транспаранта, в котором главное – есть Израиль и есть, что препятствуют.

26. Фотографию не пропустят по обычным для корреспондентов каналам. И покатится бочка: в американской прессе появится статья, в которой подвергнется сомнению возобновление соглашения на новый год между соответствующими организациями двух стран о порядке передачи информации.

27. Один из топтунов, не приближаясь вплотную, опасно протягивает руку и отрывает кусок транспаранта.

28. Под транспарантом ничего страшного. И вся масса топтунов надвигается.

29. Пожилой человек кричит визгливо:
– Не смей! Что вы делаете? Они ничего не нарушают!
30. Топтуны от неожиданности останавливаются, даже чуть отступают.
31. И пятеро успевают перехватить оставшийся кусок транспаранта, сдвинуться плотнее, чтобы на всех хватило.
32. Еще несколько рывков – и от транспаранта остаются маленькие клочки в руках.
33. Пятерых расталкивают в разные стороны, они чуть не падают.
34. Хватают за руки, вытянутые вдоль тела.
35. А что делать дальше, не знают.
36. В момент замешательства появляется человек с портфелем.
Он быстро проходит сквозь толпу и отрывисто повторяет, не обращаясь ни к кому:
– Ничего не было. Все расходятся. Ничего не было. Все расходятся.
37. Анализ упрощенный: Хорошо отлаженная машина так и не срабатывает.
38. Анализ задним числом: Это несрабатывание и есть срабатывание.
39. Потом будет достаточно одного топтуна, чтобы вырывать транспаранты, в считанные секунды ликвидируя демонстрацию.
40. Демонстрантов будут судить за неподчинение милиции и заключать в тюрьму на короткие сроки.
41. У корреспондентов будут отбирать фотоаппараты и засвечивать пленку.
42. Демонстранты перейдут на индивидуальные транспаранты, с которыми можно продержаться чуть дольше.
43. А корреспонденты на машине будут подсакивать к месту демонстрации, быстро щёлкать и давать полный газ.

44. Тогда прикрепят к каждому демонстранту одну-две машины с полными комплектами и будут преследовать круглосуточно, в открытую, изматывать, не давая выйти на новую демонстрацию.

45. Но это всё потом.

46. И это потом.

Сотрудник КГБ:

– Вы пользуетесь тем, что в конституции не указано, какие демонстрации разрешены.

Один из пяти:

– Демонстрации могут быть разные. У нас демонстрация протеста.

– А зачем иностранные корреспонденты?

– Мы обращались к корреспондентам газеты «Известия» написать о нашей проблеме, они отказались.

– И правильно сделали.

– Вот и обратились к иностранным.

– Зачем это вам?

– Привлечь внимание к нашей проблеме.

– У нас этого не было и мы не позволим.

– Мы ничего не нарушаем.

– Но увидит это прохожий и, возмущенный...

– Стукнет портфелем, набитым кирпичами.

– Ну зачем уж так.

– Мы знаем, на что идем.

– Знаете и все же.

– У нас нет другого выхода.

– Вы наносите ущерб СССР, мешаете налаживанию взаимоотношений.

Дальше следуют угрозы, что можно поехать совсем в другую сторону.

47. А пока.

На месте остаются пятеро и несколько корреспондентов. И ни одного топтуна.

Рассказывать корреспондентам нечего, они всё видели и отсняли. Похоже, им неудобно оставить людей в опасности.

48. Пятеро продолжают уже ненужную игру с газетой: пытаются дозвониться из уличного автомата.

49. Пятеро растеряны. Им было бы проще, если бы их взяли.

50. Время идёт.

Газета не отвечает.

51. Ничего интересного не происходит.
И корреспонденты незаметно исчезают.
52. Пятеро переходят в сквер рядом и садятся на одну лавку.
53. «Он» и «Она» присоединяются к ним.
54. Предполагают, что будут брать, когда разойдутся.
55. Много курят и не разговаривают.
56. Сидят в буфете кинотеатра «Россия», пьют пиво и кофе.
57. Сидят в тёмном пустом зале, думают о своём, пока крутится фильм.
58. Идут по улице Горького до метро «Маяковская». Медленно идут.
59. Темнеет.
60. Чувствуют слезку.
61. Договариваются созвониться на один телефон и расходятся.
62. Один из пяти едет в метро, автобусом.
63. Идёт тёмными дворами.
64. Входит в тёмный подъезд. Бежит по лестницам.
65. Дверь квартиры не заперта.
66. В тёмной квартире свет из ванной комнаты.
67. Она стоит у раковины и через зеркало говорит: "Провела расчёской по волосам – вся раковина в волосах".

9.1996

Приложение 1

1. В 1972 году в Москве формировалась группа демонстрантов из отказников, которые стремились к активным действиям, чтобы не застрять в отказе.

Первой была демонстрация на Трубной площади.

Туда пришли небольшими группами после субботней встречи у синагоги.

В это время уходила телеграмма Брежневу о демонстрации.

Ноябрь, пустой скверик в центре площади был в снегу. Вокруг него на шоссе и тротуарах снег растаял от множества машин и людей.

Шеренга из десяти человек стала большим тёмным пятном. Демонстрантов видели, но к ним не приближались.

Кэгэбэшники не мешали, наблюдая с тротуаров.

Случайная пара прохожих набрела на безмолвных бородачей с жёлтыми звёздами на груди. Пара остановилась, как вкопанные. Два десятка глаз разглядывали их. Внезапно мужчина оторвался от женщины, зашепшил от страшного видения, женщина поспевала за ним, крича: «Ты куда?»

Кэгэбэшники дали отстоять указанное в телеграмме время.

2. В сидячей демонстрации в большом зале Центрального телеграфа участников было раза в три больше.

На телеграф прибыли работники московского и всесоюзного отделов виз. Они пытались растащить людей: звали в ОВИР, обещали разобраться. Такое у них было задание, они очень старались, но безрезультатно переходили между столами, за которыми прочно засели демонстранты.

Один из овировцев совсем перетрухал:

– Мы бы хотели вас видеть в ОВИРе!

– А мы вас – в гробу! – ответил пожилой профессор Давид Азбель.

Бывший зэк, он не терял время зря, его голова покоилась на столе, глаза были закрыты.

Улов овировцев оказался мизерным: поднялся нерешительно Гриша Токер, тихий человек, отец семейства.

Уже в Израиле, много лет назад, прослышав, что ему плохо, я позвонил. Был канун Судного дня, и я попросил у него прощения. Он хрипло смеялся. Через несколько дней он умер от тяжёлой болезни – светлая память ему.

Работник пуговичной фабрики, он был единственным с пуговичной секретностью. Мы его очень понимали, а он пошёл на выход с опущенной головой.

Через пару часов он вернулся на своё место, встретили его весело, а он у всех сидевших рядом просил прощения. Его успокаивали: с пуговичной секретностью только так и действовать.

Богемному художнику Збарскому, сыну первого хранителя тела Ленина, обещали в ОВИРе настоящий сюрприз, но он в ответ только гордо закурил очередную шикарную сигарету «Марлборо» и, высокий, красивый, богатый, графом вышагивал по залу, и видно было, как он высматривал реакцию товарищей. А они сшибали у него шикарные сигареты.

Поздним вечером, после предупреждения, которого никто не послушался, начали вводить нескончаемой цепочкой высокорослых милиционеров. Демонстрация закончилась заключением на пятнадцать суток.

3. Особенно опасной и поэтому малочисленной оказалась первая демонстрация с транспарантом на площади Пушкина – всего пятеро участников, считая провокатора.

4. За ней последовала демонстрация у прокуратуры: десять сели на асфальт у главного входа.

5. Приближалось время визита Брежнева в Америку.

Вдруг ко мне нагрянула Ида: «Отправляйся в ОВИР, там тебя ждут – есть разрешение».

Ей сказали, что почта отказников сработает быстрее.

В маленькой комнате известный отказникам кэгэбэшник объявил, что есть разрешение.

Я задышал часто, в глазах встали слёзы. Всю дорогу до ОВИРа перечувствовал этот момент сто раз, поэтому дыхание и слёзы были умеренные.

Отрезвление наступило быстро. Меня попросили повлиять на товарищей, чтобы во время визита Брежнева не было демонстраций. А потом я получаю разрешение, которое уже есть. Вот оно – смотрите.

Ни о каком сотрудничестве с кэгэбэ не было речи. Меня просто очень по-человечески попросили. Ко мне обратились, как к разумному человеку, который понимает. Попросили. И только.

Первый расклад получался такой: если разрешение получу, то за хорошее поведение, мягко говоря, или за сотрудничество. Но за хорошее поведение разрешение не дают и от сотрудников быстро не избавляются, просят ещё немного посотрудничать, потом ещё... Да и хорошее поведение – оно тоже сотрудничество. А хорошего поведения, которое не сотрудничество, – не бывает такого.

По второму раскладу получалось следующее: если в ближайшее время не выйду самостоятельно на свою демонстрацию, а друзья сами выйдут без меня, ведь они вырываются, как и я, значит, плохо сотрудничаю, и грош мне цена в глазах кэгэбэ.

Или им, моим друзьям, начать думать только о моём выезде и не выходить? Тогда бедные, бедные мы. И все мы, не только я, возвращаемся к первому раскладу.

Значит, по третьему раскладу: надо выходить немедленно и самому. Но тогда получалось: «Михаил Шимонович, мы с вами по-хорошему, а вы в ответ хулиганите. А для хулиганов у нас есть суд, а не разрешение».

Далее, при любом раскладе: перед визитом Брежнева и во время визита для таких, как мы, разрешений не будет, – иначе это поощрять демонстрантов на новые подвиги. Но и ждать нельзя. Значит, выходить без всякой надежды на разрешение, чтобы только не было видимости сотрудничества.

Что же это я только о себе и о себе? Друзья тоже хотят вырваться. Им тоже надо выходить, хотят они того или нет, чтобы не было единственного героя, с отъездом которого может стать тихо.

Нет другой дороги – всем надо выходить, без всякой надежды на разрешение.

Ты ошибся, товарищ кэгэбэ. Мы выйдем. Но без меня. Зачем же нам грубо работать? Мы уважаем противника. Ведь и ты это знаешь, кто имеет разрешение, у нас не задействуется. Всё будет культурненько. А ты, конечно, будешь знать, что это и моя работа. Ты всё и всегда знаешь. Это твоя работа – знать.

6. Я быстро начал собирать друзей. Они уже обо всём знали, кроме просьбы кэгэбэ. Теперь и это знали.

«Надо выходить, – сказал я, – и без меня. Во-первых, наше правило – дать человеку уехать, не рисковать, а во-вторых, ничего не произошло такого, чтобы не выходить».

Я выезжал на горбах моих друзей, – это угнетало.

А то, что они вывозили и себя, – не утешало.

Ведь кто-то может сесть и по серьёзному.

Я тоже мог сесть.

Всё в руках кэгэбэ, кроме одного, – выходить нам или не выходить.

7. Состоялось несколько демонстраций и попыток демонстраций, прерванных кэгэбэ.

8. Самой яркой была подземная демонстрация на станции метро «Маяковская».

Я рассчитал, чтобы поезд оказался на станции в самый момент демонстрации и вагон – поближе к месту.

На станции – паника. Крики усиливает акустика зала. Люди смотрят в конец зала, многие спешат туда. Поезда с двух сторон стоят, двери открыты. Друзей, окруженных толпой, не видно. Несколько рук над

головами и обрывки транспарантов. Наконец поезд трогается, увозит меня и моих топтунов.

Демонстранты сели на пятнадцать суток. Всех избили.

Спасибо друзьям, они помогали уехать и мне.

Но до отъезда было ещё далеко, как до Израиля.

Когда они вышли после отсидки, прошёл месяц, как кэгэбэ обещал мне разрешение.

9. Пришёл мой черёд.

Одного друга-демонстранта, Борю, попросил наблюдать с верхнего этажа «Детского мира»; другого, Валеру, попросил наблюдать от входа в метро «Дзержинская», они придут со своими топтунами в назначенное время.

А сам отправился на Лубянку.

Это единственный раз, когда кэгэбэ не знал и мог только догадываться.

Меня «вели» от самого моего дома.

На автобусной остановке полная и высокая дама фотографировала через сумочку, которую держала под мышкой.

В метро и дальше шли за мной. Я, как обычно, не оглядывался.

На подходах к Лубянке буквально приклеились и дышали в затылок. Видел впереди – здоровяки в тёмных очках, только что вынырнув из подземелья и ища меня, стояли у дырки в переходы. Между ними была связь, и они просчитывали мою цель.

Толпы приезжих покупателей как будто сошли сразу с нескольких электричек, забили тротуар в двух направлениях, как вокзальную платформу.

Сквозь них резко рванул к парадному входу сесть на землю. За спиной две пары сильных рук оторвали меня от земли и удерживали на весу.

Мгновенно чёрная машина бесшумно прижалась к тротуару, открылась дверь, и я сел на единственное свободное место.

А люди шли...

Мне дали пять дней на сборы.

10. Через тридцать лет, 6.7.2003, – покушение.

Здесь кэгэбэ?

За дела здесь?

Или совместного кэгэбэ?

За дела здесь и там?

Приложение 2

Мне удалось вырваться из Союза 19 июля 1973 года. Там остались друзья-демонстранты, поэтому здесь сразу написал и опубликовал рассказ "Площадь Пушкина" – о самой первой демонстрации с транспарантом 3 мая 1973 года. В ней участвовали пятеро. А на время публикации рассказа было уже двадцать пять участников в более десяти демонстраций: восемь – уже здесь и семнадцать – еще там. Я хотел, чтобы здесь о них знали, поэтому в предисловии дал их имена.

Прошли годы. Мне попались слова Щаранского: "И пришел такой день, когда я и другие евреи решили, что мы больше не хотим бояться. И мы вышли на улицы Москвы и подняли плакаты: "Мы хотим ехать в Израиль". Так начиналась наша борьба за это 25 лет тому назад".

Сказано это было в августе 1996 года. Получалось, что в 1971-ом году "я и другие" вышли на демонстрацию с транспарантом.

Слова Щаранского я сделал эпиграфом к давнишнему рассказу "Площадь Пушкина" и прибавил три послесловия.

Первое послесловие:

3.5.1973 – Площадь Пушкина. Газета «Известия». Участвуют пятеро. Среди них Щаранского нет.

23.5.1973 – Прокуратура СССР. Десять. Среди них Щаранского нет.

10.6.1973 – Кремлевская стена. Четырнадцать. Все задержаны. Не состоялось. И тут Щаранского нет.

21.6.1973 – ОВИР. Четыре. И здесь Щаранского нет - только женщины.

28.6.1973 – Метро "Маяковская". Под землей. Восемь. Все получили по 15 суток. В тюрьме всех избили. И там Щаранского нет.

Второе послесловие:

В субботней толчее у главной московской синагоги за несколько дней перед демонстрацией на площади Пушкина возле газеты «Известия» один из пяти показал на новенького по фамилии Щаранский и порекомендовал пригласить на демонстрацию. К тому подошли сразу – все тогда делалось быстро. Отказ новенького участвовать в демонстрации не удивил – еще один среди десятков отказов.

Третье послесловие: источник эпиграфа.

С этими дополнениями повторно опубликовал рассказ...

...Нас, группу демонстрантов, иногда называли "херутниками". Поэтому, когда я вырвался в Израиль, принимали меня соответственно. Господин Ицхак Шамир, еще не премьер, сказал: "Говори по-русски, я пойму, а отвечу через переводчика". Мы сидели в маленькой комнате в партийном штабе, он внимательно слушал, кивал, чувствовалось, что он в курсе.

В буфете кнессета меня подвели к Бегину, а он, в окружении своих людей, громко крикнул на весь буфет: "Здравствуйте, товарищ...!" (И назвал мою фамилию.) Проваливаться было некуда.

Всем, кто слушал, я рассказывал о тех, кто остался там, просил помочь им. Нужны были телефонные разговоры, чтобы там чувствовали, что о них знают. А я стеснялся сказать об этом.

В русском отделе МИДа, где сидели не "херутники", предложили говорить с Москвой раз в неделю.

Задолго до назначенного времени я уже сидел у телефона. И долго после назначенного времени продолжал ждать. Москва не соединяла. Москва обрывала разговоры. Москва отключала телефоны. Мой праздник чаще всего кончался поздно ночью. Потом я садился за машинку и печатал отчет о разговоре, который уже лежал на столе где надо.

Печатал из благодарности за организацию и оплату разговора. Печатал обо всем, что услышал. Что произошло. Скольких взяли. Сколько дали. Кого избили. Как. Кого вызывали. Куда. Что сказали. Что ответили. Кому обещали.

За любым словом, которое могло оказаться совсем не мелочью, стояла чья-то жизнь, поэтому дорожил, старался сохранить его на бумаге.

От давнишнего праздника раз в неделю осталась большая стопка пожелтевшей бумаги.

Из отчета о разговоре 31.8.1973: "Письмо министру внутренних дел Щелокову: "К вам обращаются евреи, в разное время подавшие заявления на выезд в Израиль на постоянное жительство. Каждому из нас в нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года о порядке рассмотрения жалоб и заявлений не было представлено письменного ответа на наши ходатайства. В соответствии с указом настоятельно просим известить каждого из нас с решением, принятым по существу заявления о выезде в Израиль".

Под письмом подписи участников демонстраций. Следом за письмом мое рассуждение для "благодетелей", которые дают разговоры: "Зная этих людей, можно предполагать, что оно (письмо) будет использовано в дальнейшем для активного продолжения, так как удовлетворительного ответа они не получают".

Я чувствовал – начинается второй круг демонстраций.

Демонстрация состоялась как раз возле министерства внутренних дел, в которое было направлено письмо.

Из отчета о разговоре 28.9.1973: " 28.9.73 в 12.30 двенадцать евреев Москвы: Бельфор, Гендин, Коган, Крижак, Либерман, Лурье, Райфельд, Рутман, Тескер, Цитленок, Цыпин, Щаранский встали у здания МВД с транспарантами со словами: "Визы в Израиль вместо тюрем", "Отпусти народ мой", "Отпустите меня в Израиль", на груди демонстрантов были желтые звезды. Вокруг демонстрантов собралась толпа, несколько десятков человек. Милиционеры начали вырывать и разрывать транспаранты. Демонстранты продолжали держать остатки

транспарантов. Милиционеры вторично стали разрывать транспаранты. Так повторялось три раза. Потом полковник милиции предложил демонстрантам пройти в приемную МВД, но демонстранты отказались и продолжали стоять, ответив, что уже много раз обращались во всякие приемные и в эту тоже. Был подан автобус и грузовик с нарядами милиции. Демонстрантов ввели в автобус. Всего удалось простоять демонстрантам семь минут. Их доставили в вытрезвитель номер восемь. В вытрезвитель приехали работники всесоюзного и московского ОВИРов: Верейн, Золотухин, Кошелева. К ним вызывали по одному каждого из демонстрантов, которые отказывались от бесед по существу дела, так как всякие разговоры по существу дела в вытрезвителе оскорбляют человеческое достоинство. Работники ОВИРов заявили каждому из демонстрантов, что они пресекают себе дорогу на выезд своими демонстрациями. Дежурная судья приговорила Бельфора, Крижака, Рутмана, Цитленока к тюремному заключению сроком на 10-15 суток, Когана, Лурье, Цыпина к штрафу в 20 руб., Гендин, Либерман, Райфельд, Тескер, Щаранский строго предупреждены".

Среди предупрежденных трое новеньких: Либерман, Райфельд, Щаранский – для них это первая подобная демонстрация.

КГБ становится известно, что находящиеся на свободе готовятся выйти на демонстрацию в защиту друзей, оказавшихся в заключении.

Это видно из отчета о разговоре 2.10.1973: "1.10.73 вызывались в ОВИР Либерман, Райфельд, Щаранский. Там им заявили, что их вопрос решен положительно и всё будет зависеть от их личного поведения".

Вызвали только троих новеньких.

В КГБ не ошиблись – на следующий день состоялась демонстрация.

Из отчета о разговоре 2.10.1973: " 2.10.73 в 12.45 десять евреев: Буйко, Гендин, Кошаровский, Коган, Лурье, Новиков, Смоляков, Штиглиц, Тескер, Цыпин встали у здания ТАСС с транспарантами: "Освободите моих друзей", "Визы в Израиль вместо тюрьмы", "Гражданские права для евреев". Долго простоять демонстрантам не удалось, т.к. их уже поджидали. Вырвали и порвали транспаранты, затолкали в автобус, доставили в вытрезвитель номер восемь. В вытрезвитель прибыл работник московского ОВИРа Золотухин, который собирал паспорта у демонстрантов. Двое судей приговорили Гендина, Кашаровского, Когана к 15 суткам тюрьмы, Цыпина к 10 суткам тюрьмы, Буйко, Лурье, Новикова к штрафу в 20 руб., Смолякова, Штиглица, Тескера к штрафу в 15 руб."

Впервые участвуют: Буйко, Кошаровский, Новиков, Смоляков, Штиглиц.

Не участвовали в демонстрации Либерман, Райфельд и Щаранский, которых вызывали.

В отчете есть мое рассуждение для "благодетелей": "Хочется отметить этот простой и коварный ход КГБ. Были случаи, когда КГБ

применял такой ход относительно людей, которые ни в жизнь не вышли бы на демонстрацию. И этот ход давал удивительный эффект: человек уезжал на курорт, на дачу, не появлялся у синагоги, не встречался с евреями алии, не поднимал трубку телефона, хоть могли звонить даже из Израиля за информацией".

Для чего это я просвещал "благодетелей"? А вот для чего – это далее в отчете: "К чести этих трех человек следует отметить, что они остаются вместе со всеми". Только так я мог закончить очередной отчет: все хорошие!

Послушались КГБ двое многосемейных Либерман и Райфельд и молодой Щаранский.

"Подвинься, – толкал меня плечом Либерман после очередного дела, когда собирались возле синагоги, – я тоже встану рядом с вами". Преодолею жуткие семейные сложности, бюрократию, наконец подал на выезд и вот вышел на демонстрацию.

В КГБ это оценили.

Через месяц он вырвался в Израиль. Как ему обещали.

Райфельд участвовал во многих делах, несмотря на редчайшие семейные сложности. Из отчета: "С Райфельдом беседовал сотрудник КГБ, он сказал: ваш отец имеет большие заслуги перед государством, у вас большие моральные и материальные обязательства перед отцом". И вот вышел на демонстрацию.

В КГБ это оценили.

Следом за Либерманом Райфельд вырвался в Израиль. Как ему обещали.

Третий – Щаранский. Молодой, значит, как-нибудь перебьется случайными заработками, когда уволят; несемейный, значит, кормить детей не надо, если нечем кормить; нет выдающегося отца, который мешает выезду, значит, нет бюрократических преград. А демонстрация под лозунгом "освободите моих друзей!" – лучше не придумаешь для выезда. И за себя, и за друзей встать. Но не встал. Отказался. Послушался.

В КГБ это оценили.

А у демонстрантов после двух демонстраций восемь сидят, и одного выслали по месту жительства (Буйко).

Но следующая демонстрация состоялась незамедлительно.

Из отчета: "5.10.73 повторная демонстрация у МВД. Участвовали: Лурье, Нашиц, Новиков, Тескер, Штиглиц. Транспаранты: "Свободу узникам Сиона", "Визы в Израиль вместо тюрем". Присутствовали три корреспондента. Брали только личные топтуны демонстрантов и корреспондентов. Удалось продержаться транспаранты секунд 20. Демонстрантов и корреспондентов увели в здание МВД, там у корреспондентов изъяли пленки. Тескер и Новиков получили по 15 суток, Лурье и Нашиц по 10 суток, Штиглиц штраф 15 руб."

Участвуют все из предыдущих двух демонстраций, оставшиеся на свободе, кроме Смолякова, о котором в отчетах больше ни слова; известно, что он приехал в Израиль.

Впервые участвует Нашпиц.

Не участвует Щаранский.

В КГБ это оценили.

Теперь у демонстрантов почти все сидят, но ждать следующую демонстрацию было не долго.

Из отчета: "9.10.73 демонстрация у АПН (агентство печати). К этому времени уже сидят 12 человек. Участвовали: Евзлин, Фельдман, Штиглиц. Транспаранты: "Освободите наших друзей", "Свободу узникам Сиона", "Визы в Израиль". КГБ ожидал демонстрацию. Евзлин и Штиглиц успели поднять транспаранты. Штиглиц получил 15 суток, отсидел в одиночке; Евзлин и Фельдман штраф 20 руб."

Впервые участвуют Евзлин и Фельдман.

Не участвует Щаранский.

В КГБ это оценили.

На этом закончился второй круг демонстраций. Он сказался на всех участниках этих демонстраций.

Из отчета о разговоре 16.11.1973: "16.11.73 был вызван в ОВИР Щаранский Анатолий, который к моменту начала разговора не успел позвонить и рассказать содержание своей беседы. По мнению ребят, их должны всех вызвать по одному".

В тот вечер на телефоне был Рутман. Разговоры наши шли обычно поздним вечером, но в ОВИРе поздно не работают, значит, время было или сообщить самому с телефона Рутмана, или передать через Рутмана, а я – в отчет, а копия – куда надо. Для чего? Как нам казалось, в основном, для нашей большей безопасности, и еще – чтобы о нас знали в Израиле, что было очень приятно.

В тот вечер была принята другая интересная информация: "15.11.73 в 17.00 в ОВИРе (в ОВИРе поздно не работают – М.Б.) с Крижаком беседовал полковник КГБ Краснов. Он заявил, что все действия Крижака подпадают под статью 190 часть 3. Потом спросил: "Почему все ваши действия совпадают с какими-то датами, визитами, например, визитом Брежнева в Америку? Вы действуете по указке Израиля?" На этот вопрос рассмеялась жена Крижака (Валерия скончалась в Израиле, светлая память о ней – М.Б.). Краснов: "Вот, видите, она над вами смеется". Жена Крижака: "Я смеюсь над вами". Потом, как всегда бывает в таких случаях, разговор коснулся законности демонстраций. В этой части разговора Краснов заявил: "В нашей стране такие действия недопустимы". В процессе разговора Краснов заявил: "Врагов не отпустим, а кто тихо себя ведет, отпустим". (Смешно. – М.Б.). Существенным моментом разговора было заявление Краснова, что вся эта группа уедет в первую очередь среди всех отказников, а Крижак

уедет в начале 1974 года. (Еще в мае этого года они обещали ему 1975 год, через неделю активных действий – 1974 год, еще через неделю активных действий – середину 1974 года, а вот теперь – начало 1974 года.)".

КГБ сдержал свое слово большинству демонстрантов...

...Когда Крижак приехал, я передал ему канал: там появились новые люди, я их не видел, не знал, а он знал. Вместе с каналом передал ему стопку моих отчетов, чтобы сохранить связь между было и будет. Стопка пополнилась его отчетами.

Прошли годы. Крижак вернул мне стопку отчетов: "Возьми, может, когда-нибудь напишешь".

На этом кончалась статья. Нигде не напечатанная.

7.1999

А тут новый случай. Увидел и услышал: 10.10.1999 на телевидении Щаранский поведал, что начал разрушать "железный занавес" тридцать (30) лет назад. Получается 1969 год, и до дня рождения героя остается всего 21 год. С "железным занавесом" можно играть вплоть до боевой комсомольской юности и даже до счастливого пионерского детства.

Приложение 3

Партийная пресса

Н. Щаранский: "У нас есть отличная пресса, великолепные публицисты, дальновидные умы и горячие сердца, еще не развращенные политической кухней". Перед выборами в 1996.

Русскоязычная пресса она - не левая, не правая, а партийная.

Пресса девяностых вместе с завезшей ее иммиграцией девяностых ринулись энергично в 1992-ом скидывать ненавистное правительство правых, приготовившее караваны вместо амидаровских квартир, а потом так же энергично ринулись в 1996-ом скидывать ненавистное правительство левых, заховавшее американские десять миллиардов, вместо того, чтобы разделить на каждого иммигранта по две тысячи долларов.

Пресса и иммиграция девяностых, скинув первое правительство, дали зеленый свет мирному процессу Переса-Рабина-Шулы и Ёси, катастрофические последствия которого досмотрят любители светлого будущего, отчалив с ближних берегов к дальним берегам.

А скинув второе правительство, дали зеленый свет русской партии, вечные партийцы которой досмотрят с дальних берегов то, что

натворили на ближних берегах, как сейчас вечные партийцы досматривают с ближних берегов то, что натворили на родных берегах.

Сегодня, чтобы властвовать, не нужно брать телеграф, телефон, почту, мосты. Нужно брать только газеты. А их еще и много. И все они одинаковые – по партийности. И брать их не надо, сами отдаются.

Русскоязычная пресса, как и завезшая ее иммиграция, не может не быть партийной. Это – прежняя жизнь: привычка, потребность, необходимость; продолжение прошлого опыта, умения, знания, что партия – ведущая и направляющая сила, коллективный организатор. И конечно, ностальгия.

Не такая ивритская пресса. Отдаваться она, конечно, отдается, как и положено при древнейшей профессии, но не партиям: от них, скучных, серых и унылых, левых, правых и центристских, она давно ушла к самому привлекательному идолу, к которому эти партии все равно тоже стремятся, – ушла от нечистых партий – к светлому будущему.

Для русской прессы новорожденный партийный дитя еще дурно не пахнет. А пахнет молоком.

"Ни у кого из них (члены кнессета от русской партии – М.Б.) нет опыта пребывания в кнессете и обмана своих избирателей". (А. Носик, 19.9.1996, "Вести".)

Это – уникальное единство партии и прессы. Такого единства нет ни на иврите, ни на английском, ни на русском – на родине. Разве на Кубе еще так выражаются.

Снова смотри эпитафию – до жути похоже на маленького, лысенького, картавенького, с кепочкой в руке и на броневишке. И снова смотри Носика – до жути знакомая "отличная пресса".

Но разве только в кнессете учатся обманывать? А разве не достаточно родиться и жить в совдепии?

Вот госпожа Солодкина обманула советскую власть (а кто ее не обманывал), чтобы защитить кандидатскую, в которой 29 раз сослалась на маркса (попрошу ув. читателя не поправлять), 41 раз – на ленина (попрошу ув. читателя не), 14 раз – на энгельса (попрошу ув. читателя), 9 раз – на решения съезда КПСС (попрошу ув.), 2 раза – на постановления ЦК КПСС (попрошу), 1 раз – на Брежнева (попр.), 4 раза – на "основоположников марксизма-ленинизма". (Свидетельствует доктор Ю. Нудельман в статье "Популярная фигура", 9.8.1996, "Новости Недели".)

То, что госпожа Солодкина обманула советскую власть (а кто ее не обманывал), подтверждают ее защитники в прессе, мол, все так делали диссертации, то есть ее защитники согласны, что без обмана не проживешь. Правда, госпожа Солодкина отрицает наличие обмана: "Думаю, что читатель, прошедший жизненную школу в СССР и прямую абсорбцию в Израиле, понимает, что дело идет о политической травле". (М. Солодкина, 16.8.1996, "Н.Н.") А может, и правда, она не обманула советскую власть? Может, она такая.

Но вот, что странно: оказывается, по Солодкиной, бывшая тамошняя жизнь – политическая травля. (Заодно оказывается, что здешняя прямая абсорбция, – тоже политическая травля. А непрямая абсорбция, прежняя, – она как? А в Израиле вообще как? Очень интересные параллели.) Но если так оценивать "жизненную школу в СССР", – то зачем маркс, ленин, энгельс, съезд КПСС, ЦК КПСС, Брежнев, основоположники марксизма-ленинизма? Только для обмана.

Или господин Эдельштейн – разве он не скрыл от избирателя про папу-маму? За папу-маму мы не отвечаем. (Это там отвечали, не все, правда.) Но и скрывать не надо. Кто скрывает – тот обманывает.

А господин Бронфман – разве он не обманул свою родную рабочую партию, в которую он пришел с "чистыми руками"? (Это его любимые слова.) И будучи в родной партии, два года строил более родную русскую партию, и написал открытое письмо родной партии о выходе из нее, и от более родной партии пришел в Кнессет. Опять с "чистыми руками"?

А господин Щаранский – разве он не обманывает, рассказывая, какой он герой. Это в стране, люди которой прошли лагеря уничтожения, советские и нацистские пытки, потеряли родных в бесконечной войне, стали инвалидами. Например, рассказал целому залу русскоговорящих ребяташек, как он первым вышел в Москве на демонстрацию с транспарантом. ("Иерусалимский еженедельник", 30.8.96). В мелочи обманул. Ни первым не вышел, ни десятым, ни двадцатым. А кто обманывает в малом – обманывает и в большом.

Примеры, примеры – множество. Только бы работать. Но это не для "великолепных публицистов": "мнение конструктивных оппонентов партии Израэль ба-алия мне очень интересно было бы послушать". (А. Носик, 19.9.1996, "Вести".)

Как?! Пресса хочет послушать? "Оотличная пресса"! А разве не наоборот – читатель хочет услышать от прессы! Разве уж так и нечего услышать, кроме "великолепной публицистики"?:

"За первые 100 дней пребывания в Кнессете министры и депутаты от Израэль ба-алия не дали никому... оснований обвинить их в электоральном обмане". (А. Носик, 19.9.1996, "Вести")

А разве это не электоральный обман? – слова Щаранского ("Вести", 4.7.1996), что "подавляющее большинство министров", а не только он с товарищем по партии, проголосовали за сокращение бюджета: десять – за сокращение и пять – против сокращения. Но если бы он с товарищем проголосовали против сокращения, то было бы: восемь – за сокращение и семь – против сокращения. И нет "подавляющего большинства".

А зачем вообще ссылаться на "подавляющее большинство"?

Чтобы подавлять. Потому что электорат партии вообще и всегда за подавляющим большинством.

А зачем паниковать, что положение катастрофическое?

Чтобы стояли пятки вместе, носки врозь.

Разве положение не катастрофическое последние сорок восемь лет и до?

Обман тянет за собой новый обман: "Голосовал за сокращение бюджета с чистой совестью!" (Н. Щаранский, "Вести", 4.7.1996.)

Это чистейший обман – прикрываться чистой совестью.

А разве это не электоральный обман? – слова Щаранского в газете "ха-Арец", что "чиновники минфина торпедировали соглашение с Нетаниягу и Меридором о строительстве хостелей для олим"? Так уж чиновники обманули-торпедировали! Это "чистые руки" и "чистые совести" не торпедировали чиновников, министров, премьера, правительство.

Без обмана (а кто не обманывает?) – не проживешь. На иврите и на английском научились крутиться и не стесняться за неимением "отличной прессы" и "великолепных публицистов".

На русском – "отличные" и "великолепные" переведутся ли вообще: "Практически они успели сделать не очень много: Щаранский, например, всего лишь реализовал в первый месяц пребывания в кнессете всю религиозную платформу МЕРЕЦа и Аводы за последние 15 лет – применительно к репатриантам. Достигнуты соглашения с верховными раввинами о гражданском браке и гражданском захоронении для неевреев – оглашения, о необходимости которых так долго говорили наши большевики со всех концов политического спектра, и ни хрена не сделали". (А. Носик, 19.9.96, "Вести")

Марафет с юморком, чтобы замарафетить заботу партии только о нееврее, который не может быть репатриантом, как репатриант не может быть неевреем.

И влетит в копеечку захоронение сотен тысяч неевреев, вместо того, чтобы они хоронились за свой счет на всевозможных, в изобилии для маленькой страны, кладбищах для христиан и мусульман за кругленькую сумму, чего они делать не хотят, а хотят бесплатных похорон.

И "наши большевики" – марафет с юморком, чтобы замарафетить новых большевиков, ведь "великолепные публицисты" из них.

В тамошних условиях ультраортодоксального атеизма, уничтожавшего еврейство, они через "отличную прессу" дурили головы, как дурят здесь: "Нормы танахического или галахического судопроизводства, в котором фигурируют такие категории, как "раб" и "хозяин", в котором женщина не может выступать ни судьей, ни свидетелем, в котором постулируется неравенство прав и юридической ответственности между большими группами граждан по праву рождения (категория коэнов, левим, геров и мамзерим), представляются мне абсолютно неприемлемыми для современного демократического государства". (А. Носик, 5.9.1996, "Вести".)

И задуренные там и здесь головы уже не слушают. А послушать есть что. У евреев никогда не было тюрем, бессмысленно и жестоко такое заведение, в котором не работают и обучаются худшему. Суд продавал вора в рабство, самое большое, на шесть лет. На вырученное от продажи покрывались убытки от воровства. Многие, обеднев или кому было трудно, сами продавались в рабство, чтобы пережить трудности и подкормиться. Купивший раба покупал себе хозяина: содержал и кормил всю его семью, а работал только один; если в доме была одна подушка пуховая и остальные соломенные, то пуховую отдавал рабу; если на столе был один кусок белого хлеба и остальной хлеб темный, то белый отдавал рабу; если был один стакан старого вина и остальное вино молодое, то старое вино отдавал рабу; если шел в баню, раб не нес за ним сменное белье – это считалось унижительным; если выходил из дома, не мог сказать рабу: "работай до моего возвращения", – это считалось жестоким; если переехал жить в город, не мог оставить раба в деревне.

Тора (Закон): "А над братьями вашими, сынами Исраэля, никто над братом своим да не властвует с жестокостью". Тора называет раба братом. А разве сегодня не было бы желающих продаться в рабство по Торе, чтобы пережить трудности, например, первых лет иммиграции? В справедливейшей несправедливости. Всеобщей справедливости не бывает.

И неравенство: коэн, леви, израэли, гер, мамзер - справедливейшее из неравенств. Всеобщего равенства не бывает. Чтобы не приходило в голову еврею: "Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем..." Ни в пустыне. Ни в стране. Ни в галуте. И все-таки пришло в голову еврею сразу после получения Торы. В пустыне. Тогда и поднялись в первый раз первые большевики – Корах и двести пятьдесят сообщников против Моше, а значит, против Торы на борьбу за равенство для всех, а на деле, за неравенство для некоторых. Всех их с семьями и малютками поглотила земля. В который раз поднялись еврей-большевики против Торы в не так далеком семнадцатом на борьбу за равенство для всех, а на деле, за неравенство для некоторых. Тора запрещает подниматься в галуте на революцию, и требует молиться за существующую власть. Скольких поглотила земля с семьями и малютками – не счесть. Скольких еще поглотит земля за борьбу новых большевиков, поднимающихся против Торы...

И с еврейской женщиной – просто и понятно, но не тем, которые понимают толк в бабах – современных, демократичных, новых.

Убийца лишает человека только этого мира, лучший мир он отнять не может. Своротитель убивает человека и в этом мире, и для лучшего мира тоже убивает. У еврея-вора всегда есть шанс: вернуть украденное или за украденное, или сделать хорошие дела, если уже некому вернуть, или на последнем вздохе перед уходом обратиться к Всевышнему. У

сворачивающего других коммунизмом, миризмом (мирный процесс), демократизмом, современизмом, новизмом – через газету, радио, телевидение, кино, книгу, партию, кнессет, лекцию, задушевную беседу – такого шанса, как у вора, – нет. И нет ему прощения.

Другая задача "отличной прессы" и "великолепных публицистов" – защищать партию, находить врагов, уничтожать их.

"За первые 100 дней пребывания в кнессете министры и депутаты от Израэль ба-алия не дали никому (кроме разве что пары обиженных ватиков из ЦК Третьего пути да известного друга олим Байги Шохата) оснований обвинять их в электоральном обмане" (А. Носик, 19.9.96, "Вести".)

Вот всего-то их – пара! И за душой у них ничего нет – обиженные! И эти обиженные – ватики! И подвизались – в ЦК! (Ну так уж и пара. А обиженность – это единственная причина критики? А в русской партии нет ЦК? А ватик – уже чужой? А старожил – совсем чужой? А кто не знает русского – вообще чужой? А еврей – всегда чужой?)

Еще одна задача "отличной" и "великолепных" – светлое будущее. "принята программа развития экономических связей с Россией – программа, которая будет иметь ощутимые практические последствия для десятков тысяч репатриантов, занятых именно в сфере российско-израильского бизнеса. Об этом ни у Польского, ни у Нудельмана мы не прочтем". (А. Носик, 19.9.1996, "Вести")

И кто эти "мы", которые не читали у Юлия Нудельмана аргументированные предостережения о торговле с Россией? ("Вести", 8.8.1996)

А на чем строится оптимистический оптимизм относительно России – на четырех мандатах в кнессет от "десятков тысяч репатриантов, занятых именно в сфере российско-израильского бизнеса" – свиного? (50000 по сведениям "Вести", 29.8.1996 и еще примерно 50000 голосующих членов их семей – М.Б.)

Еще одна задача "отличной" и "великолепных" – единство партии и народа.

"Хочется надеяться, что к 2000 году логика поведения Щаранского и других "русских" в правительстве и кнессете станет понятнее израильским обозревателям. И понимание это будет достигнуто не за счет повзросления наших представителей" (А. Носик, 19.9.1996, "Вести".)

Стоп... "Наших"? Читатели "Вестей" записаны в "наши"? А записывает в "наши" координатор партии по газете "Вести"? И всех поголовно? Так неуважительно к личности? А как же с "идеологическим плюрализмом", о котором печется "великолепный"? А весь-то плюрализм оказывается состоит из "наших" и ненаших.

Координатор партии не допускает, что "наши" могут быть ненаши. Ненаши вообще, всегда и везде. Ненаши еще оттуда. (Помнится, "наши"

ненаших ставили к стенке.) Ненаши задолго до "наших" новых большевиков, включая новых "великолепных публицистов", оказавшихся здесь за полной ненужностью и невостребованностью в изменившихся там условиях.

Чтобы быть, например, выездными (пряники те же, тамошние). Только надо быть "дальновидным умом" и "горячим сердцем" (снова смотри эпитафия, подзабылся). И кается "великолепный": "Я сам поиграл с этим сюжетом..., но, видит Б-г (букву "о" опустил М.Б.), исключительно потому, что нашел удобную и соблазнительную возможность дать выход своей иронии. Но оказалось, что игрушечный сценарий может восприниматься и вполне серьезно, а партию Щаранского можно представить потенциальным проводником российского влияния. Мне трудно разделить эти опасения. (А. Карив, 17.6.96, "Вести".)

И вот "великолепный" уже выездной. И вот он сопровождает. Партийно-правительственную. И вот он в спецсамолете. И спецпаёк. И вот он в Америке. И вот он... И вот он опоздал в обратную дорогу. И вот из спецсамолета разносится на весь мир отеческая озабоченность самого!.. о пропавшем.

На отеческую заботу партии и правительства (из окошка самолета и из эпитафия) – "великолепный" отвечает заботой о доказательстве исторической неизбежности и закономерности партии: "Возникновение олимповской партии открыло новый вид секторальности – социально-экономический, который является конкурентом привычной секторальности – религиозной. Мне представляется, что первая тенденция для современного общества значительно здоровее". (А. Карив, 17.6.1996, "Вести".)

Научные доказательства: "мне представляется" – Карив; "представляется мне" – Носик. И современно. И демократично. И ново.

И вот "великолепный" уже выездной не в какие-то демократии, а на родину, чтобы факсировать о мировом величии партии и ее вождей: "Очень большой интерес вызывает в институте деятельность "русской" партии в Израиле. В подборках газетных публикаций института эта тема занимает много места. Один из экспертов посетовал, что никак не может достать книги депутата кнессета Марины Солодкиной". (А. Карив, 14.11.1996, "Вести".)

О будущей отеческой заботе партии и правительства "отличная пресса" и "великолепные публицисты" позаботились задолго до выборов: "Щаранский, голос которого пробился сквозь немоту советских застенков, сумеет пробить..." и так далее высокохудожественно. ("Вести" 3.4.1996.) Предвыборная редакционная статья. Редакционного совета? Председателем которого долгие годы до самого последнего момента был Щаранский – председатель партии еще до ее явления народу. То есть очень возвышенно сам о себе.

Право, ведущая из партийных газет.

А что до всех остальных партийных газет – отделы пропаганды и агитации партии на добровольных (но не бесплатных) началах со своими "великолепными".

Что пользы газетам?

Так хочет партийный читатель?

Тогда понятно. Газета – это финансовое мероприятие. А не коллективный организатор.

Тогда всем газетам надо убрать в шапке: независимая газета.

А если все-таки коллективный организатор?

Тогда добавить в шапке: партийная газета.

19.12.1996

Приложение 4

Мосты

1 Августа 1996 на радио рассказал бывший министр внутренней безопасности Шахаль, что ему известно о планах выдворения из Израиля многочисленной группы русской мафии.

После него выступил член кнессета от русской партии Штерн. По его мнению, высылке подлежит только тот, кто прибыл незаконно, а тот, кто прибыл на законном основании, высылке не подлежит, его можно судить, но не выслать.

Ведущий программы не выдержал: "Что это вы их защищаете?"

Ответственные работники сохнута на упреки, что они завозят черте кого, отвечают, что их задача – завозить, а решать, кто есть кто, – это дело соответствующих компетентных органов на месте.

Картина вырисовывается преступная – причастных к этому министерств и политиков.

Можно только посочувствовать тяжелобольному Меиру Ланскому – всего лишь бухгалтеру американской мафии, которому много лет назад не разрешили на законном основании на Святой земле умереть. И просил-то – закопать.

22.8.1996 на радио выступил другой член кнессета от русской партии Щаранский. Как всегда он говорил непонятно о чем, но весело; путанно, но с верой в светлое будущее; и еще о том, что он сегодня мост между религиозными и нерелигиозными.

В газете "Вести" за 20.6.1996 об этом подробно: "Мы собираемся стать мостом между верующими и остальным населением страны. Поэтому мы взяли на себя целый ряд обязательств по защите прав не только светской части Израиля, но также и неевреев".

То есть мост для неевреев в Израиль.

Еще он сказал, что разговоры о мафии – это придирки к репатриантам.

Что он – еще и мост между мафией и Израилем?

Интересно, каким еще мостом будет?

Август 1996

Приложение 5

Сто вопросов вечному партийцу – Петру Сегалу, автору статьи «Используя нажитый опыт»

П. Сегал: «Чтобы читатель имел ясное представление обо мне, хочу сразу признаться: когда днями мне довольно обыденно вручили членский билет нашей партии «Израэль ба-алия», – я вспомнил: ровно 60 лет тому назад мне, студенту еврейского отделения исторического факультета Одесского государственного педагогического института, вручили в торжественной обстановке карточку кандидата в члены ВКП(б). И еще: я – делегат обеих съездов партии. На первом был избран членом Центра, на втором – членом законодательной комиссии партии».

Какой опыт вы нажили там, откуда приехали?

Пионерский? (Совсем не шутка, - было много взрослых дяденек и тетенок, которых называли пионерскими работниками).

Комсомольский?

Профсоюзный?

Партийный?

Советский?

В 1937-м году нажили опыт осуждать врагов народа?

В 1948-м – космополитов?

В 1953-м – убийц в белых халатах?

В 1956-м – израильских агрессоров?

В 1973-м – израильскую военщину?

В последующие годы нажили опыт осуждать уезжающих в Израиль?

Какой опыт нажили, голосуя всегда и только «за»?

Опыт оправдывать все, что партия велела?

Это опыт или несчастье?

Такой опыт можно использовать?

Не этот ли опыт разрушил Россию?

Хоть в какой-нибудь отдельно взятой этот опыт удался?

Не навредит этот опыт Израилю?

Можно использовать этот опыт для евреев?

Это опыт лжепророков?

Лжепророчества не обошлись в сотни миллионов жизней?

Не евреи больше всех хлебнули от этого опыта?

Разве у евреев нет своих пророков?
Разве евреи могут жить по какому-то другому опыту, кроме опыта Торы?
Не хочется покаяться за свой опыт?
Ну хоть в чем-нибудь признаться?
Чтобы читатель действительно «имел ясное представление» о вас?
Какие читатели?
Члены ВКП(б), КПСС и «нашей» партии не имеют «ясного представления» о вас?
Партиец партийца не видит издалека?
И остальные читатели не имеют «ясного представления» о вас?
Не состояли в нерушимом блоке партийных и беспартийных?
Так для кого это смехотворное признание в торжественном приеме?
Неужели больше нечего вспомнить за полвека в этой организации?
Что вы были ни при чем, несмотря на?
Говорили только правду?
Были честный?
Не боялись?
Не дрожали?
Ни на кого и тени не бросили?
И еще и сегодня горды той «торжественной обстановкой»?
В чем выражалась торжественность?
Портрет вождя?
Кумач флагов и президиума?
Присутствие товарищей сверху?
Напутственное слово парторга?
В ответном слове никого не клеймили торжественно?
Никого не славословили торжественно?
Ни в чем не клялись торжественно?
Та партия для вас тоже была «наша»?
И эта «наша» похожа на ту «нашу»?
Те же люди?
Те же собрания-съезды?
Те же мечты о светлом будущем? («Мы должны как минимум удвоить число наших депутатов. Вот тогда мы будем на коне!».)
То же отношение к религии? («О ШАС и других религиозных партиях вообще говорить не приходится».)
Нажитый опыт допускает хоть какую-нибудь другую партию? («Нужны ли репатриантам другие партии, кроме ИБА? Я категорически отвечаю: нет и только нет! Не только не нужны, а вредны».)
Кто не с нами – тот против нас?
И это нажитый опыт? («Говорить с людьми надо везде – в клубах и ульпанах, в хостелях и гостиницах, в сквериках и на пляже».)
А о чем говорить с «людьми»?

Вы знаете?

Вы всегда знаете?

И там знали?

А «люди» не знают?

И это нажитый опыт? («Буквально все члены партии должны стать агитаторами, рассказывать о наших планах, о наших кандидатах».)

О каких «наших планах», кроме – все на выборы?

И о каких «наших кандидатах», кроме выдвигенцев?

Там их любили?

А здесь будут любить?

Как и там вся работа – от выборов до выборов?

А вы и там были агитатором по собственному желанию?

Разве такое бывало?

И это нажитый опыт? («Этнические партии не только целесообразны, но и необходимы».)

А почему вы против этнических партий бухарских, горских евреев? («Пошли разговоры о создании партии бухарских и горских евреев. Ничего хорошего это не даст».)

Разве нет этнических различий – бухарских, горских, русских?

Вы за единственную многоэтническую?

Как там?

Почему у вас всегда и везде теория расходится с практикой?

Это ваша теория? («Нужны свои этнические партии».)

А это ваша практика? («Нежелательно создание новых олимовских партий. Это только оторвет часть голосов от партии ИБА».)

Цель оправдывает средства?

Где хоть одна этническая, кроме ИБА? («Как говорится, раз партии создаются, значит, они кому-то нужны».)

А кому нужна ваша «наша»?

Вам мало той «нашей»?

Да поможет вам Б-г?

8. 1998